

Научный поиск: личность, образование, культура. 2021. № 3. С. 59–65.

Scientific search: personality, education, culture. 2021. no. 3. pp. 59–65.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Научная статья

УДК 82.091

ББК 83.3

<https://doi.org/10.54348/2021.3.13>

Поражение человека и способы его преодоления в современном романе

Надежда Павловна Крохина

Ивановский государственный университет, Шуя, Россия, nadin.kro@mail.ru

Аннотация. Статья на материале современных романов – «Московская сага» В. Аксёнова, «Лестница Якова» Л. Улицкой, «Город, написанный по памяти» Е. Чижовой и в широком литературном контексте анализирует центральную тему литературы XX-XXI вв. – поражение человека и способы преодоления этого поражения. Выявляются силы, побеждающие человека на исходе Нового времени. Обосновываются способы преодоления этого крушения личностного сознания: герой оставляет текст, воскресительная роль памяти, архетипическая мера человеческого, поколенческая тема как выражение единого движения реки жизни, тема реинкарнаций, превращений. Поражение человека рассматривается как исторический вызов XX в. и выявляются многообразные ответы литературы на этот вызов. Делается вывод, что в этих многообразных ответах проявляется движение литературы к новому образу человека в его разных определениях – движение к антропокосмизму, диалогической и холистической антропологии.

Ключевые слова: поражение человека, современный роман, текст, память, архетип, миф, поколенческая тема, тема реинкарнации.

Для цитирования: Крохина Н. П. Поражение человека и способы его преодоления в современном романе // Научный поиск: личность, образование, культура. 2021. № 3. С. 59–65. <https://doi.org/10.54348/2021.3.13>

Original article

The defeat of a man and ways of overcoming it in a contemporary novel

Nadezhda P. Krokina

Ivanovo State University, Shuya, Russia, nadin.kro@mail.ru

Abstract. An article based on the material of modern novels - "The Moscow Saga" by V. Aksyonov, "Yakov's Ladder" by L. Ulitskaya, "The City Written from Memory" by E. Chizhova and in a wide literary context analyzes the central theme of XX-XXI century literature - defeat of a person and ways to overcome this defeat. The forces that overcome a person at the end of the New Age are revealed. The ways of overcoming this collapse of personal consciousness are substantiated: the hero leaves the text, the resurrection role of memory, the archetypal measure of the human, the generational theme as an expression of the single movement of the river of life, the theme of reincarnation, transformation. The defeat of a person is seen as a historical challenge of the twentieth century. and reveals a variety of literature responses to this challenge. It is concluded that these diverse responses reveal the movement of literature towards a new image of man in its various definitions - a movement towards anthropocosmism, dialogical and holistic anthropology.

Keywords: human defeat, modern novel, text, memory, archetype, myth, generational theme, reincarnation theme.

For citation: Krokina N. P. The defeat of a man and ways of overcoming it in a contemporary novel. *Nauchnyj poisk: lichnost', obrazovanie, kul'tura* = *Scientific search: personality, education, culture.* 2021. no. 3. pp. 59–65. <https://doi.org/10.54348/2021.3.13>

Актуальность. Как известно, в эпоху романтизма осуществляется переход к индивидуально-творческому художественному сознанию и индивидуальным авторским мирам. Всё развитие и романного, и лирического мышления в Новое время шло к утверждению индивидуального как высшей ценности. Главным открытием литературы XIX в. становится открытие человеческой субъективности. Но личность вступает во всё более непримиримые противоречия с миром, потому что иенские романтики искали утраченное единство индивидуального-универсального, передав этот поиск как задачу последующим поколениям писателей.

Методы исследования. Духовно-кризисные процессы нарастают в культуре XX в. Начинаясь XX в. с темы кризиса гуманизма, а в конце его и писатели, и исследователи заговорили об антропологическом кризисе (см. например, [Крохина, 2019]). Или: «Этическая и антропологическая катастрофы должны рассматриваться как главный итог российского общественного развития за прошедший век» [Хоружий, 2019, с. 104]. Можно бесконечно цитировать аналитиков XXI в. о наступлении «постантропологической эпохи»: «Мы живём в постантропологическую эпоху, для которой характерен отказ от универсальной идеи человека» [Марков, 2011, с. 23]. Как пишет А. Криман, «философия постгуманизма является сложным психологическим актом освобождения человека от своей главенствующей роли», это отказ от антропоцентризма, мышления в оппозициях, установки на рацию. В XXI в. «говорить о человеке как «мериле всех вещей» уже невозможно... Поэтому рождается идея постчеловека» [Криман, 2020, с. 63, 66]. Возвышение человеческого неотделимо от возвышения Богочеловеческого, антропоцентризм и гуманизм возрастали на почве теоцентризма. Поражение человека неотделимо от смерти Бога, возвешённой Ф. Ницше, одним из важнейших духовных отцов эпохи модернизма.

Поражение человека – базовая тема литературы XX в. Это тема антиутопий О. Хаксли и Д. Оруэлла, литературы абсурда (Ф. Кафки, А. Камю, драмы абсурда), магического реализма Г. Маркеса, М. Павича, П. Зюскинда. Человек побеждён превосходящими его силами бюрократического государства, технической цивилизации, надличностным ходом истории, эпохой «восстания масс». Тема уже вызревает в литературе XIX ст., где герой обречён на поражение в столкновении с прагматичным веком, а в самом герое обнаруживается «красное и чёрное» – хаос, дисгармония, воля к жизни и воля к смерти. Первый пример в отечественной литературе –

«Медный всадник» А. С. Пушкина – поэма о несоизмеримости исторических имперских планов и частной жизни человека. Человек побеждён открывшейся новоевропейскому человеку несоизмеримостью его и мира – тема поэзии Ф. И. Тютчева («И мы плывём, / Пылающею бездной со всех сторон окружены») и А. А. Блока («Бездонная, пустая, / Вселенная глядит в нас мраком глаз»). Иррациональность, хаос открываются в самом человеке. Освобождение человеческих сил в конце Нового времени завершается утратой духовного центра и потерей человеком самого себя. Как писал Н. А. Бердяев, человек «вновь впадает в хаос.., теряет свои формы, свои границы», творческая энергия не концентрируется, а «распыляется» [Бердяев, 2007, с. 830]. В литературу входит непредсказуемый «карамазовский человек» (см. [Крохина, 2021]) – хаосогенный человек конца Нового времени. Все полярности для него сближаются, как в древнем магическом сознании (не случайно литература шла от фантастического к магическому реализму). «Человеческое существование... становится невыносимо лёгким», скорбит в своём романе М. Кундера [Кундера, 2000, с. 274], продолжая тему в эссе «Искусство романа»: «Мир, где уважают индивидуальность.., хрупок и обречён», современный мир – «лабиринт, в котором теряется человек» [Кундера, 2013, с. 219, 201]. В литературу входит эстетика ужаса, в частности, неотделимая от антитоталитарной темы: «По ночам ужас расплзался по улицам; из-за железных ворот на Лубянке разъезжались десятки «чёрных воронок» (В. Аксёнов) [Аксёнов, 2020, с. 208]. Ужас – проявление нечеловеческого, абсурда существования. Об испорченности человеческого проекта «Пирамида» Л.М. Леонова.

Но одновременно литература сопротивляется этой логике поражения. Отсюда знаменитые слова Э. Хемингуэя: «Человека можно уничтожить, но его нельзя победить» («Старик и море») [Хемингуэй, 1988, с. 458]. Литература ищет пути противостояния хаосу и абсурду. Романное мышление становится всё более антиномичным.

Анализ результатов исследования. Герой погибает в столкновении с миром, превосходящим его силы. Логика поражения, архетип анти-Фауста лежит в основе «Мастера и Маргариты» М. Булгакова и «Доктора Живаго» Б. Пастернака. В то же время герой оставляет текст, продолжает себя в созданном тексте. Отсюда знаменитое булгаковское выражение «Рукописи не горят». Роман Булгакова и строится как чередование жизни Мастера, обречённого на поражение, и его романа, преодолеваю-

щего своё время. У Пастернака герои погибают, раздавленные глыбами революционной переделки мира. Но остаётся текст, и роман завершают стихи Юрия Живаго, воплощающие новое христианство Пастернака: слово бессмертно. Как писал М. Бахтин, «человек в его человеческой специфике всегда выражает себя (говорит), т.е. создаёт текст» [Бахтин, 1986b, с. 301] – остаётся в тексте, вступающим в бесконечный диалог большого времени, в котором «у каждого смысла будет свой праздник возрождения» [Бахтин, 1986а, с. 393]. В романе Улицкой «Лестница Якова» Нора, открывая для себя «ветхие, чудом сохранившиеся письма» из ивового сундучка своего деда Якова Осецкого, находит в них – «бессмертное содержание этого «я», след существования» [Улицкая, 2019, с. 704], ибо человек – это текст. Образ текста – один из ключевых в романе: «Первичный текст дан Творцом» [Улицкая, 2019, с. 319]. Любимая идея Гриши Либера, одного из интеллектуальных героев романа, – идея текста: первичного Божественного текста, который человек должен научиться читать и человека как текста. «Каждая человеческая жизнь – текст», «Всё живое – Текст». Человек – участник «в великой работе дящегося Творения» [Улицкая, 2019, с. 659–660]. Так современная наука возрождает главные смыслы Серебряного века, как поиски Норы и Тенгиза возвращают утраченное в театр. «Именно человеческое сознание – единственное место в мироздании, где тексты могут соприкоснуться один с другим, взаимодействовать, порождать новый текст, новые смыслы! Это и есть – «По образу и подобию!» Человек подобен Творцу именно в этом – в умении создавать новые тексты!». «Творец – это Информация... Жизнь... – способ существования Информации... Смерти нет! Информация бессмертна!» [Улицкая, 2019, с. 661–662]. Таковы для Гриши Либера итоги компьютерной революции. Человек – читатель Божественной книги мироздания, носитель и создатель нового текста, участник «в великой работе дящегося Творения».

Столь же воскресительный смысл обретает и тема памяти. «Смерти не будет», ибо «в других вы были, в других и останетесь» [Пастернак, 1989, с. 61]. Историческая тема в романе Ел. Чижовой «Город, написанный по памяти» прежде всего вызывает параллели с романом Б. Пастернака. Современная повесть о Петербурге–Ленинграде начинается с мотива смерти как беспомытства. Этому беспомытству противопоставляются собираемые автором «слитки памяти»: семейные фотографии, «бабушкины слова, застрявшие в моей детской памяти, мамины рас-

сказы», записанные на плёнку [Чижова, 2019, с. 9]. Целостная поэтика памяти создавалась уже символистами, ибо символ связует настоящее с прошлым, и, преодолевая время, обращён к вневременному, вечному (М. Пруст, К. Бальмонт, А. Блок) (см., например [Крохина, 2020а]). Память как важнейшая экзистенциальная категория становится освобождением от власти времени, его преодолением. Историческая память, как полагал ещё Н.А.Бердяев, – «величайшее проявление духа вечности в нашей временной действительности... Память есть основа истории» [Бердяев, 1990, с. 58]. Память обращена к архетипам. Недаром болезнь беспомытства столь гротескно представлена в романе Маркеса как болезнь современного ущербного человечества.

Слово связует с мифом, который изначально и был магическим словом. А миф, выходя за пределы своего времени, обращает к архетипам. Начиная с Д. Джойса, писатель упорядочивает современную историю, «придаёт форму и значение зрелищу тщеты и разброда», как писал Т. Элиот в статье «Улисс, порядок и миф» [Элиот, 2002, с. 335], обращаясь к мифу. Об этом расширении «я» размышляли уже символисты, в частности, Вяч. Иванов: «Человек должен так раздвинуть грани своего сознания в целое, что прежняя мера человеческого будет казаться ему тесным коконом» [Иванов, 1994b, с. 106]. Рождалась новая, архетипическая мера человеческого. Присутствие мифа укрупняет героя, возвышает малое и частное: свою драму герой переживает подобно Иову, Гамлету. Или подобно Иакову – в романе Улицкой. Поэтика мифа вскрывает вневременную сущность человека. В глубине индивидуального сознания писатель открывает коллективное бессознательное, вечные архетипы, мировой контекст культуры, ипостась всемирного творческого духа. Причём ведущими для современной литературы являются библейские архетипы. Для отечественной литературы они – ключ к пониманию закономерностей русской истории (В. Шаров «Возвращение в Египет») и сущности человека (Л. Улицкая «Лестница Якова»).

В обращении к ним отечественная литература вступает в диалог с классикой западноевропейского постмодернизма. Архетип Адама Кадмона утрачен в демоническом мире Павича и становится базовым в романе Л.Улицкой. У Зюскинда архетип уродства воплощает тему антигероя, соединяющего гения и злодейство как отражение перевёрнутого тоталитарного и массового сознания. В «Лавре» Е. Водолазкина архетип юродства выражает тайну исторического пути России («Умом Россию не понять»).

«Остров пингвинов» А. Франса обречён на вечную деградацию, в «Острове» Водолазкина находится праведник, способный спасти мир от вечного повторения этого вырождения. Так за библейскими архетипами проступает христианская ось отечественной литературы.

Так человек приобщается к вечным метафизическим смыслам человеческой жизни, к метаистории – преодолевая своё время. Обращаясь к архетипу Адама Кадмона, Улицкая вольно или невольно вступает в диалог со знаменитым романом М. Павича «Хазарский словарь», с гностически-дуалистической мифологией человека, лежащей в его основе: Адам – «чадо обоих творцов и часть обоих миров». Он живёт в двух мирах – «невидимом, духовном, созданном Богом и видимом, материальном, сотворённом неправедным экономом дьяволом». Поэтому и ищут прачеловека Адама Кадмона, ангельского Адама хазарские ловцы снов, чтобы «явить тело Адама Кадмона на земле» [Сухих, 2013, с. 364–365, 266]. Здесь же есть и образ небесной лестницы: «Если мы следим за нашим ангельским предком в тот момент, когда он поднимается по небесной лестнице, мы и сами приобщаемся к Богу, а если имеем несчастье сопровождать его, когда он падает, мы удаляемся от Бога» [Павич, 2016, с. 174]. Но если у Павича «бессмертная сущность», возвращающая к Адаму Кадмону, практически утрачена, в библейской основе романа Улицкой этого дуализма нет, а наоборот духовное и материальное сближены. «Человек сотворён... по образу Адама Кадмона» [Улицкая, 2019, с. 664]. Герои Улицкой восходят к архетипу Адама Кадмона – в своей способности любить, поисках смысла, «творческом отношении к жизни и невероятной страсти к знанию» [Улицкая, 2019, с. 703]. Это и есть «лестница Якова». «Лестница Иаковлева», уходя в небеса из повседневности, заданный человеку уже в Ветхом Завете, становится архетипом человеческого существования. Этот архетип каждый по-своему и осуществляют герои Улицкой в уникальности духовного опыта отдельной личности, на фоне общего неразумия истории. Творческий человек всегда поднимается по этой лестнице Иакова. Поэтому «Лестница Якова» – это не только «лестница испытаний», через которые достойно проходит дед Норы Яков Осецкий. Это символика духовного пути человека. Образ, в частности, появляется в рассказе Л. Улицкой «Великий учитель»: «самой восхитительной из идей казалась Геннадиию идея духовных иерархий, великой лестницы, по которой поднимается всё сущее, наполняясь смыслом и духом». И потому так важна в романе идея текста.

Архетип может сохранять свою актуальность или предстать перевёрнутым, как Джойс в своём дневном романе травестирует образ Улисса, или романы Булгакова и Пастернака связаны с архетипом анти-Фауста. На травестии архетипов построен роман В. Аксёнова «Москва ква-ква». Современный Тезей не выйдет из лабиринта, он погибает в перевёрнутом мире. И открытое сопротивление Моккинакки, и союз поэта Кирилла Смелячкова с демонической властью равно ведут героев к гибели. Но роман также сталкивает две метафизики, две религии – религию сталинизма и Вечной Женственности. И потому двоящаяся Глика Новотканая, мечтающая стать жрицей в храме сталинизма, наоборот, убивает вождя, покрывая его удивительной тканью, становясь жрицей в храме Вечной Женственности, о котором грезил в Серебряном веке.

Давление времени столь сильно, что современный герой часто не доживает до конца романа. Но роман, обретая черты эпической саги, актуализирует поколенческую тему. Именно так построены «Московская сага» В. Аксёнова, «Лестница Якова» Л. Улицкой, «Город, написанный по памяти» Е. Чижовой. Несвершённый герой (Никита Градов) осуществляет его сын (Борис) – в саге Аксёнова. В романе Улицкой – внучка и правнук Якова Осецкого. У Чижовой – правнучка бабы Дуни. Поколенческая тема в этих романах строится эпически как неостановимое движение реки жизни, противостоящее всем историческим экспериментам над её естественным течением. Мифологема бесконечности жизни, которая расцветает снова и снова, связывая поколения, претворяя дисгармонию в гармонию, появляется уже в романе XIX в. («Грозовой перевал» Э. Бронте, «Жизнь» Мопассана). Даже трагедийный «Тихий Дон», где так важны эпические связи человека с жизнью природы, завершает эта мифологема: в огромном, сияющем под холодным солнцем мире остаётся сын Григория. Она актуализируется и деревенской прозой («Привычное дело» В. Белова).

Мифологема бесконечности жизни трансформирует поколенческую тему в её привычном критическом осмыслении, восходящим ещё к античности (Аристофан «Облака», Теренций «Братья») и востребованным Новым временем (Мольер, А. Грибоедов, И. Тургенев) как конфликт поколений, выражение борьбы старого и нового. Вариантами этого конфликта могут быть мотив отцеубийства (Ф. М. Достоевский «Братья Карамазовы», А. Белый «Петербург»), также отсутствие отца или сына (Джойс «Улисс»). Или мотив вырождения рода, столь

характерный для литературы рубежа XIX-XX вв. (Т. Манн «Будденброки», Д. Голсуорси «Сага о Форсайтах», А. М. Горький «Дело Артамоновых») и продолженный в XX в. (У. Фолкнер «Шум и ярость», Ю. О'Нил «Страсти под вязами», в нашей литературе – В. Распутин «Последний срок» или А. Битов «Пушкинский Дом»). В романе Е. Чижовой вариантом этого неостановимого движения жизни становится мотив рождения в городе на Неве особого типа человека «homo peterburgus»: дух независимости определил судьбу бабушки Дуни. И он же передан по наследству внучке как «неколебимая связь» с родным амбивалентным топосом и завет: «Петербург – не город, а жизненная стратегия. Стратегия независимости» [Чижова, 2019 с. 247] (см. [Крохина, 2020b]). В саге Аксёнова эту непобедимую жизнь воплощает дом и род Градовых в Серебряном бору, преодолевающий катастрофический развал семьи и символизирующий духовную силу отечественной интеллигенции. Архетип дома обычно связан в романе XX в. с его разрушением (М. Булгаков, «Тихий Дон», «Прощание с Матёрой» В. Распутина). А тема интеллигенции – с её деградацией, историческим поражением: А. Битов «Пушкинский Дом», А. Ким «Отец-Лес».

В романе Улицкой эту реку жизни воплощает «бессмертная сущность», блуждающая из личности в личность и возвращающая к Адаму Кадмону. Нора в конце жизни становится похожей на Тусю, также преподавая в театральном училище. «Юрик, подобно своему прадеду Якову, весь в музыке... Он пытается услышать ту музыку, которая разлита в космосе» [Улицкая, 2019, с. 724]. Так поколенческая тема в романе переходит в пифагорейскую тему метаморфоз, перевоплощений душ. А библейские аналогии порождают символический образ человечества. Человек – участник «в великой работе длящегося Творения», «временная обитель всех личностей» [Улицкая, 2019, с. 660, 724].

Поколенческую тему как естественное продолжение жизни дополняет восходящая ещё к Новалису тема реинкарнации. Она присутству-

ет в прямом понимании в романе Улицкой как многообразные перевоплощения единого творческого начала жизни. Или в гротескном воплощении – в «Московской саге» В. Аксёнова, снижая антигероев катастрофического времени (Ленин предстаёт в виде белка, Сталин в виде жука-рогача) и наоборот возвышая настоящих героев саги, русских интеллигентов: Градов-старший любит лентяями гусями, размышляя: «Может быть, некогда и некая часть моей сути была перелётной тварью? Кто знает, через какие трансформации проходят наши сути за пределами суеты?» [Аксёнов, 2020, с. 679]. В логику этих трансформаций входят и другие данные в романе перевоплощения жизни: размышления дуба или думы слона Ганнибала [Аксёнов, 2020, с. 206-207, 866-868].

Выводы. Таким образом, в разной связи можно говорить о поражении человека как историческом вызове XX в. и многообразных ответах литературы на этот вызов. В этих многообразных ответах проявляется движение литературы к новому образу человека в его разных ипостасях – движение к антропокосмизму, диалогической и холистической антропологии. На смену экзистенциальному герою эпохи модернизма приходит не равный себе, ускользающий от всяких точных определений герой постмодернизма. Так в современной литературе реализуется то качество, которое увидел в героях Достоевского Вяч. Иванов: «Личность для Достоевского антиномична, – не только вследствие противоречивой сложности своего внутреннего состава, но и потому, что она одновременно и отделена от других личностей, и со всеми ими непостижимо слита; её границы неопределимы и таинственны» [Иванов, 1994а, с. 307]. К этому пограничью, к расширению этих границ и стремится современная литература, что превращает её в единый метатекст, обращённый к борьбе со смертностью человека и выражающий бессмертие его духа, бесконечное обновление жизни. В этом метатексте самым ценным является жизнь отдельного человека, самыми нетленными оказываются ценности духа и неостановимого потока жизни.

Список источников

- Аксёнов В. Московская сага: трилогия. Санкт-Петербург : Азбука, 2020. 1088 с.
 Бахтин М. М. К методологии гуманитарных наук // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. Москва : Искусство, 1986а. С. 381–393.
 Бахтин М. М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. Москва : Искусство, 1986б. С. 297–325.
 Бердяев Н. А. Конец Ренессанса // Бердяев Н. А. Падение священного русского царства: Публицистика 1914–1922. Москва : Астрель, 2007. С. 808–835.
 Бердяев Н. А. Смысл истории. Москва : Мысль, 1990. 175 с.
 Иванов В. И. Достоевский и роман-трагедия // Иванов В. И. Родное и вселенское. Москва : Республика,

- 1994a. С. 282–311.
- Иванов В. И. Кручи: о кризисе гуманизма // Иванов В. И. Родное и вселенское. Москва : Республика, 1994b. С.102–112.
- Криман А. И. Постгуманистический поворот к пост(не)человеческому // Вопросы философии. 2020. № 12. С. 57–67.
- Крохина Н. П. Антропологический кризис в рецепции отечественной литературы конца XX века // Академическая наука – проблемы и достижения: Материалы XX международной научно-практич. конференции. North Charleston, 2019. С. 72–76.
- Крохина Н. П. «Карамазовский человек» и его метаморфозы // Материалы международной научной конференции «Творчество Ф. М. Достоевского в контексте всемирной литературы»: сборник научных статей / отв. ред. Н. В. Осипова. Гжель: ГГУ, 2021. С. 20–26. URL: <http://www.art-gzhel.ru/>
- Крохина Н. П. Поэтика памяти в творчестве К. Д. Бальмонта // Русская словесность: Научно-методический журнал. 2020а. № 1. С.34–40.
- Крохина Н. П. Человек и история в романе Е. Чижовой «Город, написанный по памяти» // Общество, культура и личность в современном мире: Материалы 10 междунар. науч. конф. Прага: НИЦ «Социосфера», 2020b. С. 40–47.
- Кундера М. Невыносимая лёгкость бытия: Роман. Санкт-Петербург : Амфора, 2000. 351 с.
- Кундера М. Искусство романа: эссе. Санкт-Петербург : Азбука-Аттикус, 2013. 224 с.
- Марков Б. В. Образ человека в постантропологическую эпоху // Вопросы философии. 2011. № 2. С. 23–33.
- Павич М. Хазарский словарь: Роман-лексикон. Санкт-Петербург: Азбука-Аттикус, 2016. 384 с.
- Пастернак Б. Л. Доктор Живаго: Роман. Москва : Книжная палата, 1989. 431 с.
- Сухих И. И. Одиссея казачьего Гамлета («Тихий Дон» М. Шолохова) // Сухих И. И. Русский канон: Книги XX в. Москва : Время, 2013. С.452–481.
- Улицкая Л. Лестница Якова: Роман. Москва : АСТ, 2019. 731 с.
- Хемингуэй Э. Фиеста и др. Москва : Худож. лит., 1988. 558 с.
- Хоружий С. С. Этапы большого пути: 1917 как веха исторического упадка России // Вопросы философии. 2019. № 4. С. 94–107.
- Чижова Е. С. Город, написанный по памяти: Роман. Москва : АСТ, 2019. 315 с.
- Элиот Т. Улисс, порядок и миф // Элиот Т. Избранное. Москва : Терра, 2002. С. 331–335.

References

- Aksenov V. Moscow saga: trilogy. St. Petersburg: Azbuka, 2020. 1088 p. (In Russ).
- Bakhtin M. M. To the methodology of the humanities. In: Bakhtin M. M. Aesthetics of verbal creativity. Moscow: Art, 1986a. pp. 381-393. (In Russ).
- Bakhtin M. M. The problem of the text in linguistics, philology and other humanities. In: Bakhtin M. M. Aesthetics of verbal creativity. Moscow: Art, 1986b. pp. 297-325. (In Russ).
- Berdyayev N. A. End of the Renaissance. In: Berdyayev N. A. The fall of the sacred Russian kingdom: Journalism 1914-1922. Moscow: Astrel, 2007. pp. 808-835. (In Russ).
- Berdyayev N. A. The meaning of the story. Moscow: Thought, 1990. 175 p. (In Russ).
- Ivanov V. I. Dostoevsky and the novel-tragedy. In: Ivanov V. I. Native and universal. Moscow: Respublika, 1994a. pp. 282-311. (In Russ).
- Ivanov V. I. Kruchi: on the crisis of humanism. In: Ivanov V. I. *Rodnoe i vseleenskoe = Native and universal*. Moscow: Respublika, 1994b. pp. 102-112. (In Russ).
- Kriman A. I. Posthumanistic turn to the post (un) human. *Voprosy filosofii = Problems of Philosophy*. 2020. no. 12. pp. 57-67. (In Russ).
- Krokhina N. P. Anthropological crisis in the reception of Russian literature at the end of the twentieth century. In: Academic science – problems and achievements: Materials of the XX international scientific and practical conference. North Charleston, 2019. pp. 72–76. (In Russ).
- Krokhina N. P. “Karamazovsky man” and his metamorphoses. In: Materials of the international scientific conference “Creativity of F. M. Dostoevsky in world literature”: Collection of scientific articles. Executive editor N.V. Osipova. Gzhel: GSU, 2021. pp. 20-26. URL: <http://www.art-gzhel.ru/> (In Russ).
- Krokhina N. P. Poetics of memory in the works of K. D. Balmont. *Russkaya slovesnost': Nauchno-metodicheskij zhurnal = Russian literature: Scientific and methodological journal*. 2020a. no. 1. pp. 34-40. (In Russ).
- Krokhina N. P. Man and history in El. Chizhova's novel “The City Written from Memory”. In: Society, Culture and Personality in the Modern World: Proceedings of the 10th International Scientific Conference. Prague: SRC “Sociosphere”, 2020b. pp. 40-47. (In Russ).
- Kundera M. The Unbearable Lightness of Being: A Novel. St. Petersburg: Amphora, 2000. 351 p. (In Russ).
- Kundera M. The Art of the Novel: Essays. St. Petersburg: Azbuka-Atticus, 2013. 224 p. (In Russ).
- Markov B. V. The image of a person in the post-anthropological era. *Voprosy filosofii = Problems of Philosophy*. 2011. no. 2. pp. 23-33. (In Russ).
- Pavich M. Khazar dictionary: Roman-lexicon. St. Petersburg: Azbuka-Atticus, 2016. 384 p. (In Russ).

- Pasternak B. L. *Doctor Zhivago*: Roman. Moscow: Book Chamber, 1989. 431 p. (In Russ).
- Sukhikh I. I. *Odyssey of the Cossack Hamlet* ("Quiet Don" by M. Sholokhov). In: Sukhikh I. I. *Russian Canon: Books of the XX century*. Moscow: Time, 2013. pp. 452-481. (In Russ).
- Ulitskaya L. *Jacob's Ladder*: Novel. Moscow: AST, 2019. 731 p. (In Russ).
- Hemingway E. *Fiesta and other works*. Moscow: Fiction, 1988. 558 p. (In Russ).
- Horuzhy S. S. *Stages of a long journey: 1917 as a milestone in the historical decline of Russia*. *Voprosy filosofii = Problems of Philosophy*. 2019. no. 4. pp. 94-107. (In Russ).
- Chizhova E. S. *A city written from memory*: Novel. Moscow: AST, 2019. 315 p. (In Russ).
- Eliot T. *Ulysses, order and myth*. In: Eliot T. *Favorites*. Moscow: Terra, 2002. pp. 331-335. (In Russ).

Статья поступила в редакцию 12.10.2021; одобрена после рецензирования 12.11.2021; принята к публикации 23.11.2021.

The article was submitted 12.10.2021; approved after reviewing 12.11.2021; accepted for publication 23.11.2021.